

Вечно живое оружие

Хорошо сказано об истинно великих сынах человечества: их жизнь не вмещается в тесные рамки двух дат — рождения и смерти. У них, в сущности, есть только одна дата — дата рождения.

Четверть столетия нет с нами Маяковского-человека, но вечно живет его поэзия в сердцах миллионов людей, строящих новую жизнь на земле, борющихся в странах капитала против порабощения и угнетения человека.

Книги Маяковского сегодня выходят миллионными тиражами в Советском Союзе, в странах лагеря социализма, его пламенные, крылатые слова перелетают границы и звучат на языках многих народов.

Со страниц книг, по радио, со сцен многих театров отечественных и зарубежных, как живой с живыми, говорит сегодня с человечеством великий поэт страны социализма. Поэзия Маяковского и поэзия — могучее духовное оружие, знамя всего мирового прогрессивного искусства.

Чтоб поэт перерос веков сроки, чтоб поэт человечеством полководить мог, со всей вселенной впитывай соки корнями взрослых в землю ног.

В глубокой органической связи с порывами его народа, в полной без остатка отдаче всего своего испанского таланта святому делу борьбы за коммунизм — источник жизни творений Маяковского.

Поэзия Маяковского была рождена своим временем и запечатлела его неповторимые черты. Но еще далеко не пришла та пора, когда, говоря словами поэта, можно было бы сказать о его стихах, что это «грозное, но «старое» оружие. Нет! Поэзия Маяковского — вечно новое оружие в сегодняшней борьбе за коммунизм.

В привлекательном и доступном поэтическом языке Маяковский не только названа боевой. Она верно служит народу в условиях разветвленной борьбы между лагерем империализма и лагерем социализма и демократии, она активно помогает разоблачать реакционные силы старого мира, вдохновенно утверждая красоту и неодолимую силу идей коммунизма.

Могучий творческий рост поэта — убедительнейший пример возмужавшего воздействия идей Коммунистической партии на развитие художника. «Я от партии не отделился себя...», — гордо говорил Маяковский — это было законом его поведения как поэта и гражданина.

Именно под воздействием идей партии креп, мужал талант Маяковского, освобождался от того чуждого, наносного, что в ранний период творчества связывало его поэтические силы.

Именно оплодотворяющая воля идей Коммунистической партии помогла ему достичь высот поэзии социалистического реализма, высот мирового искусства.

До самых глубин сердца читателя доходит драгоценнейшее слово Маяковского. Оно несет в миллионы массы пропаганду идей марксизма-ленинизма. В его поэзии явственно отражение и борьба партии за свершение самодержавия, за социалистическую революцию, и героизм народа в годы гражданской войны, и пафос самоотверженной борьбы за строительство социализма.

Поэма «Владимир Ильич Ленин» — гимн Коммунистической партии и ее гениальному вождю. Глубоко творческое усвоение марксизма-ленинизма помогло поэту с высот реалистического искусства дать широкую масштабную картину исторических событий, показать народ как главного творца истории.

Создавая незабываемый образ великого народного вождя, Маяковский решительно выступил против буржуазно-серовского культа личности. В этом — одна из черт народности этого выдающегося произведения советской поэзии.

Партия призывает писателей социалистического реализма понимать закономерности и перспективы советского общества, она ждет от писателя действенной помощи в строительстве новой жизни. Все творчество Маяковского является собой ярким образцом служения народу и партии. Пытливым взглядом художника он зорко подмечал ростки нового в самых обычных фактах повседневности, он умел эти рядовые факты поднять до высот социальных и художественных обобщений.

В нем всегда жила жаркая и вечно живая любовь к своему труженнику, к простому человеку, представителю широчайших масс народа. Красноармеец, сражавшийся с полчищами интервентов и белогвардейцев, рабочий Курска, добывший первую руду, строитель Кузнецкого, мечтающий о городе-саде, летчик Кокарев, вехавший в новую квартиру, — вот его любимые герои, те, кому прежде всего отдавал он «всю свою звонкую силу поэта». Вот великий гуманистический завет, который завещал он нашей литературе.

Его поэзия всегда была на переднем крае борьбы за коммунизм. Именно потому, что Маяковский страстно, самозабвенно утверждал новое, он столь же страстно и гневно ненавидел все, что мешало его развитию. Партия сегодня напоминает писателям, что задача литературы — не только отражать новое, но и всемерно помогать его победе. Именно этим путем шла поэзия Маяковского. С таким сараказом писал он о «лакированных» своем времени, которые всюду чудились «мирный небосвод», о тех, кто идеалистически мешали картинками пытался отмахнуться от противоречий и трудностей развития жизни.

Рабочего громады класса враг — он враг и мой, отъявленный и лавный.

Новое собрание сочинений В. Маяковского

Скоро будет объявлена подписка на новое собрание сочинений В. Маяковского в 12 томах, выпускаемое Гослитиздатом. Оно подготовлено к печати Институтом мировой литературы Академии наук СССР.

В новое издание войдут все известные читателям произведения великого поэта, а также и те, что были разысканы за последние годы. При подготовке собрания сочинений проведена большая текстологическая работа.

Представляют интерес небольшие, но существенные дополнения в автобиографии «Я сам», открывающей первый том. Они сделаны рукой поэта на печатном тексте и никогда еще не публиковались. Так, в главе «Партия», сообщая, что на общегородской конференции его выбрали в МК, Маяковский

писал: «Здесь работать не пришлось — взяла». В следующей главе — «Арест» он уточнил дату своего первого ареста при разгроме подпольной типографии МК РСДРП — 29 марта 1908 года. В этой же главе после заключительных слов: «С год — партийная работа» Маяковский добавил: «И олять кратковременная сидка. Взяли револю...». И название следующей за ней главы — «Второй арест» исправлено — «Третий», ибо действительно Маяковский, как известно, был арестован трижды: 29 марта 1908 года, 18 января 1909 года и 2 июля того же года.

Первый том, уже сланный в производство, подготовлен к печати В. Катаняном, второй — Н. Реформатской.

Маяковский пришел с нами в наше сегодня, он идет с нами вместе в теперь уже близкое «коммунистическое далеко»!

Кремль — древний исторический памятник, зерно, из которого выросла наша столица Москва, — дорог и близок советскому народу:

Здесь каждая башня Ленина слышала, за ним пошла бы в огонь и в дым.

Огромное здание, построенное в восемнадцатом веке по проекту знаменитого русского зодчего Казакова, венчает Государственный флаг. В марте 1918 года всего в шести комнатах этого здания разместилось правительство молодой Советской республики. В числе этих комнат были рабочий кабинет Ленина, зал заседаний, канцелярия Совета Народных Комиссаров. Узкий коридор соединял кабинет Ленина с его квартирой. В эти октябрьские битвы здание пострадало от артиллерийского обстрела, и не сразу привели его в порядок. Поэтому в 1918 году здесь, на третьем этаже, был использован каждый квадратный метр. Даже в коридоре были установлены телеграфные аппараты. Возле них часто можно было видеть Владимира Ильича, отсюда осуществлялась связь по прямому проводу с Петроградом, Парижем, Харьковом.

С первых дней переезда правительства в Москву этот уголок здания напоминал Смольный. После установления Советской власти повсюду можно было видеть дежурные заводы, крестьян-ходоков, солдат-фронтовиков. Важнейшие вопросы существования молодой Советской республики, организации Советской власти, вопросы войны и мира — все обсуждалось и решалось в нескольких комнатах, которые занимало правительство.

Тридцать семь лет прошло с той памятной весны 1918 года, но до сих пор все в этом уголке здания напоминает нам о первых годах революции, о Ленине и его ополченцах, деливших с ним труд созидания первого на земле государства трудящихся.

Мы — в кабинете Ленина. Поражают скромные размеры этой комнаты. Однако, внимательно разглядев все, что в ней находится, убеждаешься: да, здесь все рационально приспособлено для напряженного умственного труда.

Кабинет около двух тысяч книг, на каждой — маленький штамп: «Библиотека И. Ленина».

— писал Маяковский, имея в виду и отжившее американское империалиста и тех инстинктивных мальбруков, которые, напоились сегодняшних атомщиков, грозили войной тогда единственному в мире социалистическому государству.

Грозный смех его сатиры испепелял и все обветшалое в нашей жизни. Под раскатанным его пером корчились классовые враги — кулаки и эшманы, мещане без различия классов и сословий, бюрократы победоносиков и обывательские клопы приспешники, новоявленные помпадур и подхалимы, окружающие их, пьяницы, хулиганы, бандиты — все антиобщественное, чуждое духу нового мира.

Маяковский резко осуждал мелкотравчатость, обывательское зубоскальство, выдаваемое иными литераторами за сатиру.

Незыблемость идейных позиций, сила художественного обобщения подняли поэзию Маяковского до высот мирового искусства. Он ощущал себя полномочным представителем принципиально новой культуры социализма. Все творчество Маяковского проникнуто духом пролетарского интернационализма, братской солидарности между трудящимися. Он дал блестящие образцы острой критики загнивающего империализма, сорвал фальшивую маску с развлекательного американского образа жизни. «Небоскреба» американской демократии, язвительный Маяковский «в разрезе», обращившись беспощадной диктатурой доллара, Маяковский правильно понимал задачи советской литературы как мощного оружия в борьбе с международной реакцией, он смело распахнул границы поэзии до охвата всей мировой обстановки. Сегодня, когда само историческое развитие настоятельно требует от советских писателей понимания «во всей сложности и полноте подлинной правды жизни, как она складывается в современных международных условиях», пример Маяковского особенно ценен и поучителен.

Творчество Маяковского явилось одной из вершин социалистического реализма. Ему были чужды и выпрепняющая абстрактность отрыва от жизни и кропотливое бытописательство. Он глубоко понимал главную задачу искусства: она была в том, что надо вмешиваться — на стороне нового, переводить — в ход жизни. «Надо жизнь сначала переделать», — говорил Маяковский. Это была трудная задача, но именно таким трудным путем и шла поэзия Маяковского.

Творчество Маяковского — искусство больших мыслей, больших чувств. В его образах живет «громада любви» и «громада ненависти». Громада, а не нечто среднее, серенькое, неопределенное! Поэтому и родилась известная формула эстетики Маяковского: искусство — не отображающее зеркало, а увеличивающее стекло.

Но право на преувеличение дается только тому художнику, кто стоит на ясных, принципиальных идейных позициях. Для того, чтобы утверждать новое, надо ясно знать, за что ты борешься, для того, чтобы ненавидеть, надо ясно знать, что ты ненавидишь, требовал Маяковский. Об этом всегда важно помнить нашим писателям. Ведь не секрет, что и поэмы появляются стихи и проза на актуальную тему, но написанные в поспешии, в получении. Даже иной раз, волея против главного врага человечества — мирового империализма, некоторые писатели пишут об этом вяло и бледно. Как не возмущает замечательные ленинские слова: «Без «гнева» писать о вражде — значит, скучно писать».

Необычайно расширив границы поэзии, введя в нее невиданное новое содержание, Маяковский всегда находил этому содержанию новую, прелесть выразительную художественную форму. Органически связанный с великими традициями русской классической поэзии, Маяковский смело расширил возможности русского стиха, придал ему новую выразительность, интонационную гибкость и свободное звучание.

Маяковский всегда был ярым противником снижения художественных критериев, притупления слова — мощного оружия в идейной борьбе. Он беспощадно высмеивал попытки «возвести в коммунистический сан плоскость рашников и орунду частушек».

Поднять всю нашу литературу на новую ступень идейно-художественного мастерства — такова одна из важнейших задач, выдвинутых Вторым съездом писателей. Творческий опыт Маяковского и здесь остается очень живым примером.

Маяковский велик как поэт, он велик как гражданин. Неправильно сочетались в нем качества «народа водителя» и «народа слуги». Постоянный контакт с народом, почти непрерывное пребывание в гуще действительности — этим заполнена была жизнь Маяковского. Идейная принципиальность, неподдельная демократичность, редкая скромность в быту, поистине колоссальное трудолюбие — вот благородные черты личности Маяковского.

Под воздействием могучей поэзии Маяковского росла не только наша поэзия, но и вся литература. И сегодня советские писатели развивают и продолжают славные традиции основоположника социалистического реализма Горького, традиции боевой поэзии Маяковского. Благотворное воздействие Маяковского испытали на себе многие из наших зарубежных друзей, — выдающиеся представители передового мирового искусства.

Маяковский пришел с нами в наше сегодня, он идет с нами вместе в теперь уже близкое «коммунистическое далеко»!

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 45 (3390)

Четверг, 14 апреля 1955 г.

Цена 40 коп.

К 85-й годовщине со дня рождения Владимира Ильича Ленина

Там, где работал и жил Ленин

Кремль — древний исторический памятник, зерно, из которого выросла наша столица Москва, — дорог и близок советскому народу:

Здесь каждая башня Ленина слышала, за ним пошла бы в огонь и в дым.

Огромное здание, построенное в восемнадцатом веке по проекту знаменитого русского зодчего Казакова, венчает Государственный флаг. В марте 1918 года всего в шести комнатах этого здания разместилось правительство молодой Советской республики. В числе этих комнат были рабочий кабинет Ленина, зал заседаний, канцелярия Совета Народных Комиссаров. Узкий коридор соединял кабинет Ленина с его квартирой. В эти октябрьские битвы здание пострадало от артиллерийского обстрела, и не сразу привели его в порядок. Поэтому в 1918 году здесь, на третьем этаже, был использован каждый квадратный метр. Даже в коридоре были установлены телеграфные аппараты. Возле них часто можно было видеть Владимира Ильича, отсюда осуществлялась связь по прямому проводу с Петроградом, Парижем, Харьковом.

С первых дней переезда правительства в Москву этот уголок здания напоминал Смольный. После установления Советской власти повсюду можно было видеть дежурные заводы, крестьян-ходоков, солдат-фронтовиков. Важнейшие вопросы существования молодой Советской республики, организации Советской власти, вопросы войны и мира — все обсуждалось и решалось в нескольких комнатах, которые занимало правительство.

Тридцать семь лет прошло с той памятной весны 1918 года, но до сих пор все в этом уголке здания напоминает нам о первых годах революции, о Ленине и его ополченцах, деливших с ним труд созидания первого на земле государства трудящихся.

Мы — в кабинете Ленина. Поражают скромные размеры этой комнаты. Однако, внимательно разглядев все, что в ней находится, убеждаешься: да, здесь все рационально приспособлено для напряженного умственного труда.

Кабинет около двух тысяч книг, на каждой — маленький штамп: «Библиотека И. Ленина».

Слева от входа, в первом шкафу, — собрание произведений русских писателей-классиков. Пушкин представлен не только полным собранием сочинений. Любовь Владимира Ильича к творениям великого поэта сказались в том, что здесь собраны труды пушкинистов. Рядом, в другом шкафу, — сочинения Радинцева, революционных демократов, Плеханова. Позади письменного стола — три шкафа с русской и иностранной литературой по вопросам политэкономии, политики, русские энциклопедические словари и французский Ларусс, справочная литература, стенограммы конференций и съездов, в том числе переплетенная в бархат, дарственная книга — стенограмма заседания пленума вновь избранного ЦК РСДРП Московского Совета от 6 марта 1920 года.

Книги не только в книжных шкафах, они расставлены на вращающихся этажерках, чтобы сказать, сделанных по чертежу Владимира Ильича. Здесь толковый словарь Даля, украинский словарь, «Справочник партийного работника». На этажерке лежит болгаро-французский словарь — подарок Центрального комитета Болгарской коммунистической партии. Дата — 5 марта 1921 года. Подпись: «Георгий Димитров».

Письменный стол Владимира Ильича Ленина. За этим столом написано в 1918—1922 годах то, что неотделимо от истории партии и Советского государства. Как скромно и просто выглядит этот небольшой стол!

Иногда без внимания смотрят на вещи, которыми пользовался Владимир Ильич. Простой письменный прибор, карандаши, ручки, баночка с клеем — Владимир Ильич сам закупил конверты с секретными документами, сам писал адрес и указание: «Секретно. Лично. Никому другому не вскрывать!». Справа — три телефона, лампа с абжуром. Свечи в подсвечниках на случай, если погаснет электричество, — в те времена такие случаи бывали нередко. Два ножа для разрезания книг — один с перламутровой ручкой, другой, металлический, — подарок золотустинских металлур-

Рабочий кабинет В. И. Ленина в Кремле

гов. Бланки Председателя Совета Народных Комиссаров и конверты с этим же штампом — бумага желтоватая, шероховатая, вжигает пальцы, революция. Календарь. В ящике для бумаг на столе — «Программа Российской Коммунистической партии (большевиков)» и брошюра «Исполняйте законы Советской республики».

Через письменный стол для посетителей и четыре кожаных кресла.

Сколько решений исторического значения, сколько великих, дерзновенных мыслей родилось в этой комнате со сводчатым потолком! Сколько проникающих далеко в будущее идей возникло у великого человека, основателя партии и Советского государства!

28 марта 1918 года Ленин диктовал здесь первый набросок статьи «Очередные задачи Советской власти». Впервые прозвучали обетованные всемир слова:

«Мы, партия большевиков, России *убеждаем*. Мы России *отвечаем*! — у богатых для бедных, у эксплуататоров для трудящихся. Мы должны теперь Россией *управлять*».

Здесь обдумывал Ленин проблемы соревнования, здесь написал вещи слова: «Социализм, уничтожая классы и, следовательно, порабощение масс, впервые открывает дорогу для соревнования действительно в массовом масштабе».

Он верил в победу социализма, он провидел будущее в те дни, когда интервенты высаживали десант во Владивостоке, когда германские империалисты оккупировали Украину.

Сюда, в свой кабинет, приходил Владимир Ильич после ранения, с рукой на перевязи и, едва оправившись от ран, делал на бюллетене о состоянии его здоровья строгую приписку: «...переходящая моя лично просьба не беспокоит врачей звонками и вопросами».

Отсюда на весь мир звучал голос Ленина, призывавшего рабочих Европы и Америки не допустить удушения республик рабочих и крестьян империалистами. «Каждый месяц тяжелой борьбы и великих жертв усиливает дело Советской власти во всем мире, ослабляет ее врагов, эксплуататоров», — писал Ленин в 1919 году. Ленин беседовал с товарищами, приезжавшими из-за рубежа в те дни, когда республика была в кольце блокады. Встреча Ленина с гостем из Чехословакии описана в книге Антонина Запотоцкого «Красное зарево над Благородом». Владимир Ильич порадовал гостя точным знанием обстановки в Чехословакии.

Поистине, отсюда, из этой комнаты, было видно все, что происходило в мире.

В кабинете много географических карт, атласов. Карты путей сообщения азиатской и европейской России. Карта пограничных районов Бакила поместилась на пенке, на ней табличка: «Курить воспрещается».

В углу у окна, близ дивана, мы видим нечто вроде канделябра из дерева — два столбика с полатями и проводом, от проводка загорались две лампочки — они символизировали «лампочки Ильича», первые осветившие деревню. Этот подарок рабочих напоминал о том, что в этом кабинете Ленин обсуждал с Г. М. Бржизановским план электрификации страны. Позднее английский писатель Герберт Уэллс в изумлении услышал от Ленина об электрификации России — мечте Ленина, которая

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

Л. Никулин. — Там, где работал и жил Ленин (1 стр.).
От всей души (2 стр.).
Н. Калитин. — С правдой вдвоем (2 стр.).
З. Паперный. — Поэзия моослистые руки (2 стр.).
Маяковский и книга (3 стр.).
Маяковский на сцене (3 стр.).
ШКОЛА ПОЭЗИИ. Писатели о Маяковском. — С. Маршак, Т. Тынянов, В. Инбер, М. Танк, П. Воронько, Е. Евтушенко, Г. Эмин, С. Чиковани, (3 стр.).
Маяковский за рубежом (4 стр.).
О. Прудков. — Уолтер Липпман боится народа (4 стр.).

что и брал на себя слишком большую нагрузку...

Мы оставили зал заседаний и проходим в квартиру Владимира Ильича. Небольшая передняя. На вешалке — трости Ленина, простыни, суковатые, и дареная, изысканной работы. Тот, кому доводилось видеть квартиру Ленина в Париже, где он жил в годы эмиграции, не удивится скромности и простоте обстановки этой небольшой квартиры в Кремле. Просто и скромно жил Ленин — политический эмигрант за границей. И точно так же скромно жил глава правительства Советского государства. Небольшая с одним окном комната служила ему спальней и одновременно рабочей комнатой, когда из-за болезни он уже не мог работать в своем кабинете. Воду, где жил Ленин, он работал. И здесь, на маленьком столе, все приспособлено для работы. Простой письменный прибор, обыкновенные «школьные» ручки с перьями. Ножницы, нож для разрезания книг. Книжки.

С невольным, понятным каждому волнением открываешь книги, которые читал Ленин.

«Наука и демократия» — сборник статей К. А. Тимирязева.

Ручкой Тимирязева написано: «Глубокоуважаемому Владимиру Ильичу Ленину от К. Тимирязева, считающего за счастье быть его современником и свидетелем его славы и деятельности».

Владимир Ильич ответил Тимирязеву теплым, дружеским письмом, он высоко ценил труд великого ученого. Книга, которую читал Ленин, — у нас в руках; трудно расстаться с ней: она как бы звено, связывающее Ленина и одного из тех великих русских ученых, кто был на стороне народа в героической борьбе за власть Советов.

Другая книга с авторской надписью свидетельствует о том, как умел Ленин зажить своими высокими идеями людей. «Дорогому В. И. Ленину-Ульянову автор, засеянный за работу в порядке беспощадного «принуждения» и неожиданно нашедший в ней свое «привлечение». Да здравствует такое «принуждение»!

И. Степанов

Тут же на столе лежит немецко-русский словарь, подарок Владимиру Ильичу от сестры Марии Ильиничны ко дню его рождения. Рядом, в шкафу, — сочинения Маркса на немецком языке.

После того как Владимир Ильич по болезни уже не мог работать в своем рабочем кабинете, он продолжал трудиться в квартире. В январе — марте 1923 года Ленин продиктовал здесь статью «Странички из дневника». («О кооперации», «Как нам реорганизовать Рабкрин», «О нашей революции»). «Лучше меньше, да лучше».

Перед тем как уйти, окидываем взглядом скромную комнату, никелированную врать, прикрытую стеганым одеялом, шкаф с книгами, стол, на стене фото: В. И. Ленин и Н. К. Крупская.

В комнате рядом, где жила и работала Надежда Константиновна, видим ее старенький кожаный портфель, сочинения Маркса и Ленина. Множество закладок в книгах говорят о постоянной работе Надежды Константиновны над трудами В. И. Ленина.

Во всей скромной квартире — культ книги.

В комнате сестры Владимира Ильича Марии Ильиничны — семейные фотографии, превосходно написанный художником портрет матери Ленина Марии Александровны, фотографический снимок: Владимир Ильич на Красной площади во время проводов красноармейцев на фронт.

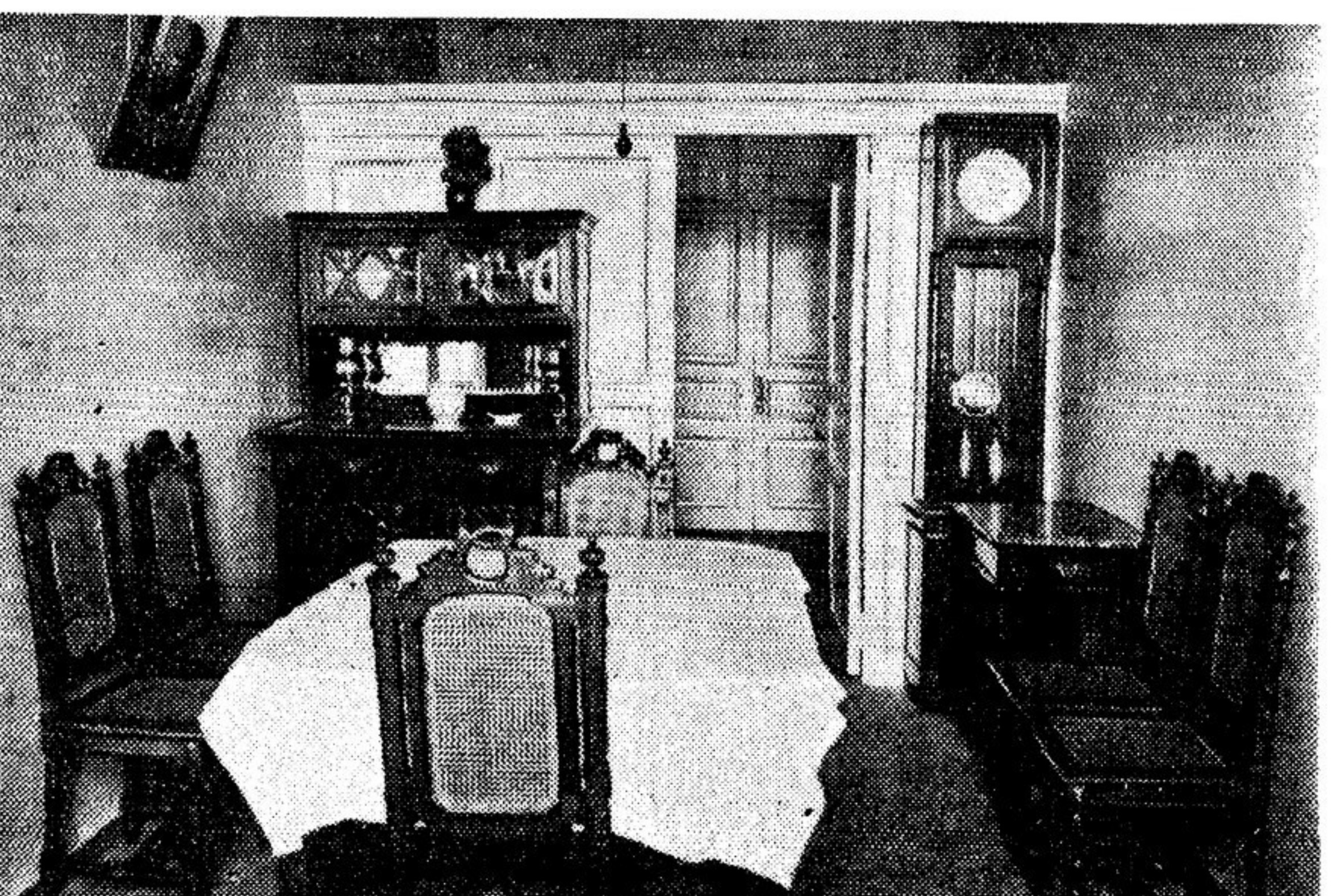
Есть еще один интересный уголок в этой скромной квартире — кухня. Мы помним фильм «Ленин в 1918 году» и эпизод фильма — разговор со Свердловым. Разговор происходил в кухне у плиты. Здесь иногда ужинал, обедал Владимир Ильич, беседовал с товарищами, шутил, смеялся из шуткам.

Когда Ленин заболел, еще одну комнату предоставили для дежурства врачей. В ней происходили консультации. Здесь стоит кровать. Когда Владимир Ильич чувствовал себя лучше, он слушал музыку.

15 мая 1923 года Владимир Ильич перекачал в Горки. 19 октября он в последний раз приехал в Кремль, побывав в своем рабочем кабинете и квартире.

Все, что связано с трудами Ленина, с его благородной жизнью, бесконечно дорого нам. Дороги нам и комнаты в Кремле, где он работал, где он жил, жил с той простотой, которая отличает великих людей — светочей человечества.

Л. НИКУЛИН

Квартира В. И. Ленина в Кремле. Столовая.

Квартира В. И. Ленина в Кремле. Комната В. И. Ленина

Фото В. Егорова

Маяковский и книга

Забвитель публикации

В 1926 году литературовед Н. С. Ашукин, собирая материал для задуманной работы «Писатель и книга», разослал некоторым советским писателям анкету с просьбой ответить на ряд вопросов, освещающих их отношение к книге и личным библиотекам. В числе прочих на эту просьбу откликнулся В. В. Маяковский. Воспроизводим полностью анкету с просьбой ответить на ряд вопросов, освещающих их отношение к книге и личным библиотекам. В числе прочих на эту просьбу откликнулся В. В. Маяковский. Воспроизводим полностью анкету с просьбой ответить на ряд вопросов, освещающих их отношение к книге и личным библиотекам.

В 1926 году литературовед Н. С. Ашукин, собирая материал для задуманной работы «Писатель и книга», разослал некоторым советским писателям анкету с просьбой ответить на ряд вопросов, освещающих их отношение к книге и личным библиотекам. В числе прочих на эту просьбу откликнулся В. В. Маяковский. Воспроизводим полностью анкету с просьбой ответить на ряд вопросов, освещающих их отношение к книге и личным библиотекам.

1. Какое отношение к себе имеет библиотека? Если да, то сообщите количество томов.
— Библиотека обаяет с О. М. Брикман, 1000—1200 книг.
2. Какой состав вашей библиотеки? В чем ее особенность? Что в ней преобладает?
— Теория литературы и социология.
3. Давно ли вы собираете свою библиотеку?
— Всегда имел книги.
4. Пользуетесь ли вы библиотеками общественных?
— Да, в основном в библиотеке.
5. Ваше отношение к собирательству книг?
— Хорошо, если нужны для работы. Коллекция неразрешенных книг отравительна.
6. Книжки и ваша литературная работа?
— Иногда книги помогают мне, иногда я — книге.
12.4.26 г.

В. В. Маяковский.
Ироническая окраска последних строк не снижает их правдивости. Книга всегда играла важную роль в жизни поэта. Недаром в скучных и до предела скатанных строках автобиографии Маяковского «Я сам» значительное место уделено книге и ее роли в формировании мироощущения поэта. С другой стороны, сам поэт, будучи страстным пропагандистом коммунистической, революционной нужной книги, немало сделал для ее распространения среди массового читателя. К сожалению, эта сторона деятельности великого поэта еще не достаточно освещена в громадной литературе о Маяковском. Несколько слов о личной библиотеке Маяковского — Брика. Часть книг из нее ныне нахо-

Языком плаката

В автобиографии «Я сам» под датой «20-й год» В. В. Маяковский пишет:

«Дни и ночи РОСТА. Наступают всеякие денкины. Пишу и рисую. Сделал тысячи три плакатов и тысяч шесть подписей».

Под словом «плакаты» Маяковский имел в виду, главным образом, «Окна сатиры РОСТА» — они составляли основную массу сделанного им в РОСТА (Российском телеграфном агентстве). Плакаты в полном смысле слова было гораздо меньше. В IV томе полнотомного собрания сочинений Маяковского (издания 1949 года) помещены тексты 562 «Окон РОСТА» и только 12 плакатов. У автора этих строк, работавшего в РОСТА одновременно с Маяковским, сохранились три плаката, тексты и рисунки которых, как теперь установлено, принадлежат Маяковскому. Плакат с паровозом (фото внизу) — автографированный, небольшого размера. Рисунок трехцветный: паровоз — черный, сапунты рабочих — красный цвет, облака изображены голубой краской.

В автобиографии «Я сам» под датой «20-й год» В. В. Маяковский пишет:

«Дни и ночи РОСТА. Наступают всеякие денкины. Пишу и рисую. Сделал тысячи три плакатов и тысяч шесть подписей».

Под словом «плакаты» Маяковский имел в виду, главным образом, «Окна сатиры РОСТА» — они составляли основную массу сделанного им в РОСТА (Российском телеграфном агентстве). Плакаты в полном смысле слова было гораздо меньше. В IV томе полнотомного собрания сочинений Маяковского (издания 1949 года) помещены тексты 562 «Окон РОСТА» и только 12 плакатов. У автора этих строк, работавшего в РОСТА одновременно с Маяковским, сохранились три плаката, тексты и рисунки которых, как теперь установлено, принадлежат Маяковскому. Плакат с паровозом (фото внизу) — автографированный, небольшого размера. Рисунок трехцветный: паровоз — черный, сапунты рабочих — красный цвет, облака изображены голубой краской.

Другой плакат — призывающий советских людей защищать родины от интервентов. Фигура рабочего и здесь красная, здания выполнены в двух оттенках зелено-серого цвета.

Третий плакат (фото наверху), как и второй, призывал советских людей к борьбе с интервентами. Он значительно более сложен по композиции, так как состоит из семи рисунков, по типу «Окон сатиры РОСТА».

Условная манера, в которой выполнены все три плаката, характерна для других плакатов РОСТА и для «Окон сатиры».

В одном из деловых писем того же 1920 года А. В. Луначарский заметил, что Маяковский через посредство РОСТА «засыпал... всю Советскую Россию своими карикатурами и остроумиями». Действительно, агитационная деятельность Маяковского по РОСТА была поистине гигантской.

А. ФЕВРАЛЬСКИЙ

ШКОЛА ПОЭЗИИ

Надпись на памятнике

Двадцать пять лет — это срок немалый, это четверть века, возраст целого поколения, созревшего для жизни и труда.

А последние двадцать пять лет весит и значат больше, чем иные столетия. История не пощадилась для них на события, способные заслонить любую отдельную человеческую жизнь, как бы крупна она ни была.

И однако же всем этим величайшим событиям не удалось заслонить Маяковского. С любой точки нашего нынешнего дня он виден так же четко и ясно, как в те дни, когда шагал по московским улицам. От этой четкости времени становится прозрачным, и нам кажется, что мы видели и слышали Маяковского в последний раз совсем недавно — чуть ли не вчера.

У нас есть улицы Маяковского, площади Маяковского, Маяковская станция метро, — и все же его имя не прижилось, не стало обычным и привычным, а стихи сохранили всю полемическую, жесткую, пронзительную остроту сатиры, всю нежность и глубину лирики.

Вряд ли можно найти человека, который бы относился к нему безразлично. Его любят или не любят, живут его стихами или спорят с ним и о нем, но нельзя не слышать в гуле нашего времени его уверенную поступь, силу его звучного, навсегда молодого голоса.

Вызывают портреты, на которых глаза нарисованы так, что встречаются с глазами зрителя, откуда бы он ни смотрел. Об одном из таких портретов говорит Гоголь в своей знаменитой повести. Этим же свойством обладают и многие стихи Маяковского. Они обращаются к нашему времени, как обращались к своему.

Поколение сменяется поколением, и каждое из них чувствует на себе как бы устремленный в упор, внимательный и пристальный взгляд поэта.

И это потому, что в любой строке, написанной Маяковским, он жил полной жизнью, не отдавая ни сердца, ни колоса, ни труда. Он встал во весь рост и в большой поэме исторического охвата, и в коротком злободневном фельетоне, и в полусерьезном, полуплутовском разговоре с детьми.

С своих стихов он говорил гордо, зная цену, но говорил со скромностью мастера, ставящего себя в один ряд со всеми другими мастерами своей страны, где бы они ни работали, что бы ни создавали для счастья тех, кто придет им на смену.

Как известно, он не был любителем юбилеев и памятных. Но лучшую надпись на своем памятнике Маяковский, как и Пушкин, сделал сам.

Он знал, что его стих «Громаду лет прорвет», и первые двадцать пять лет из этой громады пересек легко, как один день.

Прошло четверть века, но и сегодня для того, чтобы увидеть Маяковского, мы не оглядываемся назад, а смотрим вперед.

С. МАРШАК

Любимый поэт

Прошло уже тридцать лет с тех пор, как я впервые услышал из уст литовского поэта Яниса Платиса строки Маяковского. Затем неслучайным путем я получил номер журнала, в котором был напечатан «Левый марш». Стальные строки этого стихотворения врылись в душу, увлекли в будущее, неизвестное тогда для меня будущее. Эти строки до сих пор волнуют. Я их перевел на свой родной язык, но в моей памяти они звучат до сих пор на языке Маяковского.

Я стал учиться у Маяковского. В начале своей поэтической работы старался писать стихи «лесенкой». Но скоро мне стало ясно, что это — не учение у великого мастера. Я бросил так писать. В своих сатирических стихах я стремился научиться у Маяковского жгучей остроте его сатиры и юмора. Но моя сатира была больше похожа на басенную, а юмор смахивал на фельетон. Стolz раз я ставил перед собой вопрос — чему и как учиться у Маяковского, и как я ни старался приблизиться к моему любимому поэту, он все время будто бы отодвигал от меня. Такое чувство владеет нами, когда мы стараемся подойти к вершинам гор.

Да, Маяковский — огромная вершина. Мы часто уже забываем, что он поэт русский, мы, литовские поэты, считаем его и своим поэтом. Маяковский давно стал учителем прогрессивной поэзии всех народов.

Мы любим Маяковского за его глубокую принципиальность, смелость в раскрытии чувств и характеров людей революционной эпохи, за его непосредственную, от сердца идущую резкость и нежность, за его большую любовь к настоящему, честному советскому человеку и ненависть к врагу.

Правофланговый

Любить другой народ — это значит любить его историю, его обычаи, его язык. Такого величайшего русского поэта нашей эпохи Владимира Маяковского часто бывало в Украине, знал нашу историю, любил наши обычаи, чувствовал звучный и певучий украинский язык.

Ну кто из нас, украинцев, может без искреннего волнения читать стихотворение Маяковского «Долг Украине» с его поэтическим великолепием, определенностью величия украинского языка?

«Эта мова величавая и проста: «Чуешь сумры зарпали, час расплаты настала...».

Маяковский, как гласающая того великого и нового, что дала нашим людям советская власть, со всей страстью и со всей силой своего гигантского таланта утверждал торжество дружбы народов. Все, что дал человечеству Маяковский, сейчас наш народ читает в переводе на величавую и простую украинскую мову. Читает, знает и любит Маяковского.

Нам, украинским поэтам, выросшим уже в годы советской власти, Маяковский особенно дорог и близок. Поэт борьбы и революции, певец пролетариата, атакующий старый мир, он и сегодня правофланговый всей советской поэзии, по которому равняемся и мы.

Я всю свою звонкую силу поэта тебе отдаю, атакующий класс.

Кто из нас, напечатав лишь первое стихотворение или выступив уже не первую книгу, не произнесит эти слова как клятву верности нашей великой эпохе!

Творческий долг

Учиться у Маяковского это не только наше право — это наша обязанность. Он оставил многое. Его наследства хватит на нас всех, поэтому не будем уравнивать мелочного деланья. Давайте строго и честно подумаем, что из этого наследства пригодится нам, молодым поэтам, в нашей работе.

Мы обязаны учиться у Маяковского всегдашнему пониманию того, что надо сейчас, сию минуту. Жизнь настоящая (в высоком смысле этого выражения) — значит жить будущим. Пусть иные стихи Маяковского умерли, «как безмянные на штурмах мерли наши», — они знали, за что умирают. В том, что Маяковский писал, становясь на горло собственной песне, была его трагедия, но и его победа. Мы обязаны учиться у Маяковского его умению подчинять все свои мысли, все свои чувства самому главному в жизни.

«Я ж с небес поэзии бросаюсь в коммунизм, потому что нет мне без него любви».

Не фразы о коммунизме, а само ощущение коммунизма должно быть во всех наших стихах. Наш долг — «сиять заставя заново» многие величайшие поэты, которые «в привычку входят, ветнают, как платье». Мы обязаны учиться у Маяковского его отношению к поэзии, как к добыче ради. Он имел право сказать:

...подползают поэза лизать поэзии мозолистые руки.

Боюсь, что иным из нас поэзия представляется «ездой в знаменом». У нас, молодых поэтов, мало поисков в области самой поэтики. Многим стихам присуща вялость, размазанность формы. Почти не встречается новых ритмических ходов. Редко радуемся свежей рифме, звонкой аллитерации. А образности? Почему у нас так мало образов в стихах, а если и есть, то зачастую они не обязательны и мелковаты? Где образ-героика, так мастерами разработанный Маяковским? Ведь он же и к нам обращался, когда писал: «все, что я сделал, все это ваше — рифмы, темь, дикция, бас!».

Мы обязаны учиться у Маяковского не только любви, но и его ненависти, ненависти ко всему, что стоит на пути к будущему. Мечта Маяковского написать поэму «Плохо» не осуществилась. Мы должны написать наши «Хорошо» и «Плохо». Мы должны дождаться со всеми, с кем не додрался он, поэт борьбы за коммунизм.

Евг. ЕВТУШЕНКО

Помню, лет двадцать семь назад, в пору моей юности, я прохаживался по проспекту Ру-

Георг ЭМИН

Огромный континент

Маяковский — огромный. Это целый континент с разнообразнейшим рельефом местности, куда каждый углубляется по-своему.

«Агитатор, горлан-гларварь» доминирует. Мощный голос рожает в горных кряжах. Его подхвачивает многогранное эхо...

Маяковский-сатирик с годами становится все беспощаднее, все сильнее разливается, все шире. Его цитируют не меньше (если не больше), чем Грибоедова. Но еще сильнее Маяковский, когда он нежен. Сердцу нет тогда от него пощадить. Порой одна строка, интонация так и прохвывает ознобом, обдает жаром.

Именно с такими чувствами читаю я «Юбилейное». Нежность Маяковского к Александру Сергеевичу здесь так велика, что ей становится тесно на земной поверхности. И Маяковский говорит о душе, как заботливый отец — о прелестной подрастатке дочери, вышедшей на ночь глядя без провожатых.

С той же заботливой нежностью обращается Маяковский и к Негте-пароходу. Подойди сюда! Тебе не мелко?

Кто знает, может быть, при жизни и сам Маяковский тосковал именно по такой фразе, обращенной к нему?

И уже в полную, неотражимую силу звучит эта нежность в тех строках поэмы «Хорошо!», где Маяковский говорит:

Не домой, не на суп, а к любимой в гости две морковники несусь за зеленый хвостик.

Здесь выражено отношение Маяковского не только к женщине, но и ко всему, что было ему дорого в те трудные для страны годы, когда и этот малый дар имел большую ценность.

«Однажды довелось мне в Узбекистане побывать в одном из горных районов. Одолев круто идущие вверх уступы, мы остановились. И тогда открылось нам неостановимое озеро, знаменитое «Голубое озеро» этих мест. Лирика Маяковского напоминает мне это озеро, совершенное по форме, незабываемое по глубине и нежности. Она, эта лирика, является неотъемлемой частью огромного континента нашей поэзии».

Вера ИНБЕР

Рядом с нами

Говорить о творчестве Владимира Маяковского — это значит говорить о революции, о строительстве коммунизма, о любви к жизни. Ибо все это нашло яркое отражение в творческих величавых поэтах. Задачи, главнейшие из главных, острейшие из острейших, которые в процессе построения нового общества ставила Коммунистическая партия перед народом, поэт старался воплотить в зримые, яркие образы, способные не только зацепиться, надолго остаться в душе, но и призвать человека к действию, к борьбе.

Говорить о значении творчества Маяковского для всей нашей советской поэзии, для всей прогрессивной литературы мира — это говорить прежде всего о рождении многих выдающихся современных писателей. Маяковский был и остается для нас образцом мужества и честности, образцом общественного служения писателя своему народу.

Появление Маяковского было в поэзии предреволюционной и революционной поры так же необходимо и естественно, как появление молнии во время весенней бури.

И вспоминаю, какое огромное влияние оказал Маяковский на нас, писателей, живших в Западной Белоруссии под ярмом неволи. Никогда не забудется те волнующие минуты, когда я впервые прочитал его стихи. Я осознал, что все, написанное мною до этого момента, было только слабыми, мучительными поисками своего пути. Я встретил поэта, сказавшего мне не только о том, как писать стихи, но и о чем и как писать, встретил поэта, раскрывшего перед моими глазами безмерные горизонты.

И мне не жалко было, что от дыхания его поэзии потускнели многие мои ранние произведения, остались лишь горсть зерен, с которыми нужно было снова входить на ниву, чтобы начинать все. Я рад был этой весенней буре. Благодаря Маяковскому я уже знал, за что и как нужно бороться.

К Маяковскому я обращаюсь мысленно за советом и сейчас. В минуты творческих поисков обращаюсь я к его творчеству, как к неисчерпаемому поэтическому арсеналу. Каждый из нас находит в нем неразрывное оружие — боевое, пламенное слово поэта-борца, поэта-трибуны, гласающего великим свершениям и дерзаний свободного человека.

Маяковский на сцене

В наши дни прожорливое второе сценическое рождение пьес Маяковского. Постановка «Вани» в 1953 году в Театре сатиры убедительно доказала актуальность и сценичность драматургии великого советского поэта. Около полтора лет идет спектакль Театра сатиры, и на каждое представление хочется попасть значительно больше зрителей, чем может вместить зал. С успехом поставлена «Ваня» в Пскове, Молодево, Краснодаре, Одессе, слово Маяковского звучит на польской сцене.

Сейчас три коллектива Москвы работают над пьесами Маяковского: Театр сатиры и Театр имени Вл. Маяковского ставят «Клопа», Театр имени Евг. Вахтангова — «Ваню». Мы попросили постановщиков этих спектаклей рассказать о своей работе.

БОЕВОЕ ОРУЖИЕ

Постановка «Ваня», осуществленная нами в 1953 году совместно с Н. Петровым, воочию раскрывала, как близок и дорог Маяковский сегодняшнему зрителю, как доходящая и современна его драматургия.

Где бы и для кого бы мы ни показывали этот спектакль, всюду Маяковский встречал горячий прием, и всюду мы сталкивались с великолепным знанием его творчества, с ревнивым, пристальным вниманием ко всему, связанному с именем поэта.

И, по существу, зритель первый проголосовал за нашу следующую постановку. «Дашь «Клопа»!» — это требование мы слышали на десятках зрительских конференций и встреч.

«Клоп» Маяковского — это беспощадное обличение мещанства во всех областях жизни — в политике, в быту, в морали, в искусстве. Это злое разоблачение тех, кто хочет уйти от борьбы за построение нового общества, с пенью у рта утверждая свое право «у тихой речки отдохнуть».

В постановке «Клопа» мы стремились развить сценические принципы, найденные в «Ване». Маяковский, и это наше глубокое убеждение, может быть полностью раскрыт только средствами реалистического театра. Особенность стиля Маяковского-драматурга — чрезвычайная конкретность, аконизм, которые порой ошибочно воспринимают как плакатность.

Второе, что очень важно: Маяковский стремится сделать театр зрелищным. «Клоп» не случайно назван «феерической комедией». В соответствии с этой авторской установкой мы широко применяем в спектакле театральную машинерию, различные сценические эффекты. У нас используются и движущийся конвейер, и мультипликация, и кукулы, и эпископы.

Сейчас в театре идут монтировочные репетиции. Скоро москвичи увидят наш спектакль.

Валентин ПЛУЧЕК, Сергей ЮТКЕВИЧ

СИЛА УТВЕРЖДЕНИЯ

В «Ване» Маяковского резко размежеваны два мира. С одной стороны — это люди, борющиеся за коммунизм, — среди них дегадет прекрасного будущего, Фосфорескская женщина, изобретатель Чудиков, представитель главной комсомольки двадцатых годов — Веселыедник; с другой — чиновники, бюрократы, Победоносиков, Оптимистов, погрязшие в самодовольстве, отчаянно отстаивающие свой покой и благополучие.

Театр сатиры. В. Лепно — Присыпкин.

Жизнь народа проникла в глубину души поэта, и поэзия Маяковского вторгалась во все сферы жизни, принимала непосредственное участие в создании новой действительности.

Я сказал бы, что Маяковский возматери поэзии права гражданства, завоеванные в прошлом Пушкининым, Лермонтовым и Некрасовым. Маяковский сумел возвысить значение поэзии в общественной и политической жизни до государственной высоты и вместе с тем провозгласил демократическую прав и обязанностей поэзии. Чтобы расширить общественные функ-

Максим ТАНК

Положительная, утверждающая

тема пьесы является, как мне кажется, главной и требует наибольшего внимания от режиссера, актеров и художника. Пьеса пронизана бодрим, светлым чувством. Таким стремился я сделать радиоспектакль «Ваня», поставленный в 1951 году. Еще в большей мере хочется мне выдвинуть мажорную тему «Вани» в театральную постановку. Этой же задаче положительно оформлению художника И. Рабиновича, в спектакле уже законченном. В нем подчеркивается героика борьбы советских людей за коммунизм.

Рубен СИМОНОВ

БОЛЬШАЯ ДРАМАТУРГИЯ

Большая драматургия всегда насчитывает свои секреты и неожиданности для тех, кто работает над ней в театре.

В ходе репетиций «Клопа» происходит интереснейший процесс все большего и большего постижения глубины и богатства этого произведения. Чем дальше работает наш коллектив над комедией, тем шире и заманчивее рисуется нам будущий спектакль, тем больше мудрости, поэзии, высокой идейности открывает нам текст Маяковского.

С каждой репетицией растет в коллективе творческая активность в «Клопе», все острее ощущается всеми нами ответственность за постановку пьесы В. В. Маяковского, имя которого венчает афишу нашего театра.

Сатирическая комедия Маяковского содержит в себе огромный пафос жизнелюбия. И дело, конечно, не только в том, что в пьесе выведен ряд положительных персонажей. Дело в страстном отставании нового, в громовом смехе победителя над всем тем, что еще цепляется за жизнь, тщетно пытаясь задержать ход истории. Издается и негоду, торжеству и смеху, Маяковский во всем — подлинный поэт нашей жизни, поэт нового, советского строя, и пьеса его требует от тех, кто работает над ней, полной меры темперамента и творческой увлеченности.

Мы сознаем всю сложность театрального воплощения этой комедии, оригинальной и необычной по своей образной выразительности.

Недавно в театре состоялся черновой показ первой половины спектакля. Впереди работа над второй частью — над сценой «будущего», несомненно, такой, как нам кажется теперь, еще более чудесные возможности яркой сценической интерпретации.

Постановка пьесы замечательного поэта — для нас важный творческий этап, полный волнения и радости, неизбежных спутников работы над подлинным произведением искусства.

Валентин ВЛАСОВ

Маленький домик в Гендриковом переулке...

Дом, как дом, а жил там сильный, умный человек. Он был гений. Но как полагается в таких случаях, никто об этом не знал. С ним разговаривали просто, шутили, называли Володей. Некоторые терзали, радуясь его печалю. Но он умел перебороть боль, и они не понимали, откуда он берет силы. Поэты ходили к нему читать свои стихи. Другим же слушать. Враги обдирали этот дом. Но сам хозяин дома приехал на их поединок и прелас с ними. Выходя из этого маленького домика в свой большой дом — в Советскую страну, Маяковский вмешивался во все.

За свою короткую жизнь он успел объехать половину нашей страны — поговорить, поспорить с бесчисленными тысячами людей. И писатели и читатели разделились на две части — за Маяковского или против. «Средних» не было. «Средних» он сам выводил из щелей, заставлял определить точку зрения на жизнь, на поэзию.

Во всех концах нашей страны революция подняла из народных недр певцов и борцов революцион — друзей Маяковского. Используя светлые традиции своих литератур, участв у великого русского

ВСЕГДА ВПЕРЕДИ

поэта, они воспевали новую жизнь по-новому. Метод Маяковского, метод партийной, революционной поэзии, — чудотворный ключ для каждого поэта. Обладая этим ключом. Назыв Хикмет — под зловещий шик защитников «исконно национальных», а на самом деле националистических традиций — стал на семь голов выше их, встал, разбив плачущий след и затворив прямо и открыто со всем трудным народом революцию, о социализме. Обладая этим ключом, Египте Маршак стал выдающимся поэтом Советской Армении.

Революция подняла великое множество таких талантов, которые, осмыслив историю своего народа, своей литературы, тянулись к Москве, к Маяковскому.

Опыт показывает, что успех и недостатки нашей поэзии так или иначе зависят от того, как понимаются, как осваиваются прогрессивные традиции всех наших национальных литератур и особенно традиции Маяковского.

Приходится пожалеть, что традиции Маяковского мы осваиваем недостаточно глубоко. Когда в 1946 году подверглись резкой критике некоторые авантюристические стихи из моей книги «Пора», и не раз сиринжал себя: «Как же я мог забыть на какое-то время борьбу Маяковского против апо-

литничного искусства, его «Приказы по армии искусств»?

Многие из нас, поэтов, утверждают и воспевают это хорошее. А вот о том, «что такое плохо» и как с этим плохо бороться, — не пишут или пишут редко. Разве это в традициях Маяковского? «Это поправилось бы Маяковскому», — извольте думать я, читая «Разговор с отцом» Расула Гамзатова. Мой друг Расул Гамзатов сумел по-настоящему творчески освоить национальные традиции, показать поэзию нашей жизни. И не случайно, когда на днях мы обсуждали поэму одного талантливого поэта из Среднего Азии, поэму неудачную, так как там новое воспевалось по-старому, — все единодушно посоветовали ему: «Поговори с Маяковским, он тебе поможет!».

Поэзия — сюда в пейзаже. Но даже самые беспомощные, ищущие поэты говорят, что на многих, только сейчас открывающихся перед ними путях поэзии, по которым, казалось, еще никто не проходил и на которые они, поэты, только тогда вступают, они обнаруживают следы уверенных шагов Маяковского...

«Маленький домик в Гендриковом переулке» — это домик поэта. Когда-то по его лестницам поднимались только Маяковский и его близкие друзья. Потом все чаще и чаще начали приходить неизвестные писатели, читатели, работники. А сейчас в стенах этого домика рядом с русскими словами звучат слова на украинском, казахском, армянском, турецком, болгарском, французском — на всех языках мира...

Георг ЭМИН

ПОМНУ, лет двадцать семь назад, в пору моей юности, я прохаживался по проспекту Ру-

ставили вместе с Владимиром Маяковским. Все мое внимание, естественно, было приковано к моему спутнику. Когда мы проходили мимо здания оперного театра, я почему-то вспомнил слова одного грузинского поэта о том, что у Маяковского прекрасный слух и что в этом отношении никто из современных поэтов не может с ним сравниться. Я сказал об этом Маяковскому.

«Музыкальный слух? — переспросил он и продолжал шутливым тоном. Обладая я особым музыкальным слухом, из меня бы вышел певец не хуже Шаляпина, голос у меня подходящий, а мастерство — дело привычное...»

После этих слов Маяковский добавил уже серьезно: — Слух у меня и должен быть не плохим, слух к нашей действительности. Без этого не может быть хорошего поэта. Разговор происходил зимой 1927 года. Позже, в зрелые годы, я не раз вспоминаю эти слова и задумывался над тем, что такое поэтический слух и поэтический слух Маяковского. У Маяковского был бархатный, полный обаяния бас, прерывающийся интонациями дикции. Недаром Маяковский утверждал, что поэт должен уметь не только писать хорошие стихи, но и хорошо читать написанное.

Но не об этом голосе я говорю. Для меня сам Маяковский, его творчество — поэтический голос революции и народа. В отношении нашей действительности

СЛУХ СЕРДЦА

сти он обладал безошибочно острым слухом. К звучанию советской жизни он прислушивался, как говорят в Грузии, слухом сердца, и тут уж от него ничего не ускользало.

Это время гудит телеграфной струной, это сердце с правдой вдвоем. Это было с бойцами или страной, или в сердце было в моем.

Жизнь народа проникла в глубину души поэта, и поэзия Маяковского вторгалась во все сферы жизни, принимала непосредственное участие в создании новой действительности.

Симон ЧИКОВАНИ

Имя Маяковского присвоено сорока шести поселкам, улицам, площадям. Шесть колхозов, двенадцать школ, семнадцать библиотек, три парка культуры и отдыха, восемь театров, три клуба и станции Московского метрополитена названы его именем. На бортах многих пароходов начертано имя великого поэта.

Воздействие поэтического слова Маяковского испытывают, конечно, не только советские русские поэты, но и поэты всех братских народов нашей страны, а также зарубежных стран. И секрет этого воздействия опытные в том, что Маяковский выработал классическую форму революционной поэзии. Ее изучением не

МАЯКОВСКИЙ ЗА РУБЕЖОМ

в лихорадке буден. Отечество славно, но трижды — которое есть, которое будет.

Среди присутствующих были и такие, которые впервые слушали не только Маяковского, но и стихи вообще, которые впервые сопереживали не только поэзии, но и литературной вообще, но только с литературой, не в некоторых случаях и с самой азбукой, с печатным словом, веками хранившимся далеко от них, под замком, под стеклом, на недоступных высоких полках, где-то «в городе», словно чудесные лекарства в еще более чудесных аптекарских банках.

К этой категории читателей, очевидно, принадлежал сидевший в глубине зала товарищ, который перорал некое время на стуле, откашлялся, немного поколебался и в конце концов встал и высказал свое мнение о том, что он услышал.

Вряд ли я когда-нибудь забуду, как глубоко и ясно прозвучал в полном табачного дыма зале в Филиппет де Педуре его голос, прерывистый, словно шестой издатель, из глубины шахты, но говоривший был шахтером.

— Я, товарищи... Насколько я вижу... стихи, в которых товарищ поэт Маяковский показывает, что он за нас... Мне они очень понравились. Правда, товарищ писатель нам прочитал их от всей души, словно они были его собственными. И это пришлось мне по сердцу. Но что больше всего осталось у меня вот здесь (и он приложил сжатый кулак к груди) это то, что вы, наши писатели, насколько я вижу, начали говорить о нас так же, как товарищ поэт Маяковский!

Эти слова, произнесенные простым человеком, надолго наполнили теплом и светом память писателя. Такое отношение народа к нашему делу объясняет многие стремления и успехи нашей литературы. И оно же призывает нас к тому сосредоточенно усилить, а не внешнему патетизму, которого от нас требуют читатели.

Писатели новой Румынии еще не удовлетворены тем, что сделано ими до сегодняшнего дня для усвоения, развития, обогащения на нашей почве традиций Маяковского. Но мы делаем многое, чтобы поэзия Маяковского стала достоянием широких масс. Так, например, издательство «Нартия Руса» издало переводы произведений поэта тиражом свыше 90 000 экземпляров — около 150 000 экземпляров на румынском языке, 25 000 — на венгерском и 10 000 — на немецком.

Над переводами стихов Маяковского работают такие крупные поэты, как М. Бениюк, М. Вануш, Нина Касиня, Муху Драгомир и другие. Что касается меня, я надеюсь, что скоро смогу опубликовать поэмы «150 000 000» и «Хорошо!» в переводе на румынский язык.

Нам предстоит еще долгий путь, пока мы сможем понять и воплотить нашу собственную новую жизнь так, как еще вчера требовал голос шахтера в зале дома культуры.

ры в Филиппет де Педуре. Но мы стремимся к этому, стремимся работать так, «как товарищ поэт Маяковский».

Читероне ТЕОДОРЕСКУ, румынский поэт

Рассказывает Эльза Триоле

На первой странице французского прогрессивного еженедельника «Леттр Франсез» — большой портрет высокого человека с сосредоточенным лицом, в короткой куртке, с двумя большими рюкзачками, бумагой, помазкой. Подпись под портретом: «Черикос в песне В. Катаняна «Они знали Маяковского»».

Эта фотография и напечатанная там же большая статья писательницы Эльзы Триоле о песне — еще одно свидетельство живого, постоянного интереса передовой общественности Франции ко всему, связанному с памятью великого советского поэта.

Эльза Триоле, перу которой принадлежит книга переводов Маяковского на французский язык, дает высокую оценку песне. Но это не только рецензия, а прежде всего — взволнованный рассказ о любви советских людей к поэзии Маяковского, о верности советских писателей традиции Маяковского.

Французские читатели с несомненным интересом прочтут статью Эльзы Триоле. Эта статья поможет им полнее представить себе образ Маяковского — народного поэта-трибуна. Воссоздавая этот образ во всей его красоте и величии, писательница наносит удар тем, кто клеветает на Маяковского, а также клеветники еще не перевелись во французской прессе. Достаточно напомнить напечатанный в декабре прошлого года в парижском еженедельнике «Нарфур» гнусный рассказ, автор которого, пороча память великого советского поэта, не постеснялся выдать сочиненные им самим декоративные вырвочки за стихи Маяковского.

Эльза Триоле пишет в своей статье: «Минуло четверть века с тех пор, как не стало Маяковского, и его поэзия ведет борьбу без жидкой поддержки самого поэта».

Впервые в советской печати, снимок, опубликованный 22 мая 1927 года в польской газете «Наш штеглонд».

та». Но в этой борьбе поэзия Маяковского поддерживает многочисленных друзей поэта во всех странах. Круг друзей великого поэта ширится и во Франции.

На немецком языке...

Шла передача из ГДР: концерт молодежной самодеятельности. Участник концерта с юношеским задором, отчетливо и выразительно читал стихи на немецком языке.

Челюсти читать, и мы услышали рукописанный далекого зала, приближенного к нам радиоловом: это немецкая молодежь аллодиорвала стихотворению Маяковского «Расскажи о Кузнецкострое и людях Кузнецка».

Это был один из многих прекрасных переводов Маяковского на немецкий язык, принадлежащих перу Гуго Гупперта. Собранные вместе, они составляют целый том — плод многолетней упорной и вдохновенной работы Гуго Гупперта переводил стихи Маяковского «Сказка о Красной Шапочке», «Наш марш», «Хорошее отношение к лошадям», «Прозаседавшиеся», «Необычайное приключение», ряд вещей из зарубежных циклов, «Послание пролетарским поэтам», «Сергеев Есенину», «Стихи о советском паспорте», поэмы «Владимир Ильич Ленин», «Хорошо!».

Внимательно вчитываясь в переводы Г. Гупперта, видишь, что переводчик не только поставил перед собой эти труднейшие задачи, но в большинстве переводов блестяще их разрешил.

Книга переводов Г. Гупперта — ценный вклад в дело пропаганды поэзии Маяковского за рубежом нашей Родины.

Время одной из бесед с польскими журналистами Маяковский был сфотографирован. Мы воспроизводим снимок, опубликованный 22 мая 1927 года в польской газете «Наш штеглонд».

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОРТРЕТ МАЯКОВСКОГО

Впервые в советской печати, снимок, опубликованный 22 мая 1927 года в польской газете «Наш штеглонд».

...Май 1927 года. Маяковский приезжает в Варшаву. Об этой поездке поэт рассказывал в очерках «Ездая я так», «Наружность Варшавы», «Поверх Варшавы». Дополнением к ним могут служить многочисленные интервью, даны в корреспондентам польских газет. Они находятся в альбоме выроек из иностранных газет, который принадлежал Маяковскому. Альбом хранится в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР.

Во время одной из бесед с польскими журналистами Маяковский был сфотографирован. Мы воспроизводим снимок, опубликованный 22 мая 1927 года в польской газете «Наш штеглонд».

Заметки писателя

Генерал Пахье просится на скамью подсудимых

Признаться, я ничего не слышал о военных подвигах генерала Пьера Пахье на полях сражений с гитлеровскими фашистами. Генерал Пахье просится на скамью подсудимых: он прочел доклад. Это, конечно, легче.

Для своего доклада генерал избрал тему самую что ни на есть модную: водородная бомба и управляемые снаряды. Актовый зал фармацевтического факультета Университета в Париже был заполнен врачами, фармацевтами и учащейся молодежью, к которой докладчик главным образом и обращал цветы своего генеральского красноречия.

Красноречие это, надо сказать, довольно однообразно. Основной прием его: запугивание. Тонко аккурсовало на выставке весенних цветов генерал Пахье сообщал, что новейшие беспилотные самолеты-снаряды могут покрыть расстояние от Нью-Йорка до Москвы, он подвигивал вух, сколько потребуются водородных бомб, чтобы уничтожить посевы во всей Западной Европе.

Мило улыбаясь, генерал рисовал картины опустошения. А в заключение с воинственностью, которую не успел изгнать на полях сражений, он расписывал преимуществы превентивной войны.

Суя по реакции аудитории, после этого доклада генерал приобрел не много поклонников. Точнее — одного. А именно: собственного сына. Игриво улыбаясь, генерал сообщил, что он привел на доклад своего восьмилетнего сына, очевидно, считая это превосходным педагогическим приемом.

Весело болтая ножками, мальчик слушал своего родителя, когда тот безмятежно уверял аудиторию, что одна водородная бомба может «срывать с земли» весь Париж. То-то потеха ребятам!

А чадолюбивый папаша, бросив нежный взгляд на сына, продолжал: «Водородная бомба стоит всего только один миллиард франков, тогда как танковая дивизия обходится в 200 миллиардов франков».

Увы, эта трогательная забота о кармане налогоплательщиков не вызвала в аудитории среди хмурых взрослых людей никакого сочувствия. Напротив, послышались негодующие протесты. Типичным для них является открытое письмо одного из слушателей (Ф. Фовьер-Альке), появившееся в парижской газете «Либерасьон»:

«Не скрою, что ваша лекция в буквальном смысле слова привела меня в ужас, причем меня ужаснуло не столько самое перечисление страшных подробностей, которые для осведомленных лиц, по сути дела, не были неожиданными, сколько та невозмутимость и безмятежность, с какой вы их перечисляли, и выводы, которые вы из них сделали... Вы взяли на себя очень тяжелую ответственность, генерал. Вам счастье, если вас при этом не беспокоит совесть. Очевидно, она у вас не слишком требовательна. Наша совесть, совесть честных людей (совесть более требовательная), повелевает нам звать молодежь на борьбу за международные соглашения...».

Честный и мужественный тон этого письма составляет резкий контраст с бредовыми призывами Пахье. Конечно, этот чернильный генерал не бог весть какая крупная фигура в международном вертепе поджигателей войны. Но и он послещает с щепоткой в руке к разжигателю или чадному вестру. Он торопится — как бы выше поджигательское начало не упрехнуло его в нерадивости. И он мечется по парижским аудиториям, сопровождаемый своим единственным восьмилетним приверженцем.

Лев СЛАВИН

ФОТО, КОТОРЫЕ ВОПНЮТ

В январе этого года в нью-йоркском Музее современного искусства открылась выставка документальных фотографий. Вот два снимка с выставки.

Первый называется «Игра в мучительство в чикагском парке». Девочка приязненно к дереву. Веревка врезалась в запястья тонких детских рук. Лицо девочки истлевало, два рубца вдулись на лбу и скуле. Так «играют» дети в читале «западной цивилизации».

Второй снимок — «Предсмертная агония ливневного в штате Миссисипи». Этот юноша был схвачен и унесен в лес. Здесь охмелевшие от крови каниблы били и терзали свою жертву, пока мертвое, обмороженное тело не повисло беспомощно на цепи... Какая потрясающая последовательность! От фильмов и телевизионных передач, проплавляющих торжество зверской силы, «киргам» на ту же тему, от кирг — к ливневому.

Мы не знаем, кто был этот юноша. Но мы знаем, что именно так линчуют в Соединенных Штатах негров, вся вина которых заключается в том, что они родились черными. И это в стране, пропандистской которой оглушающе громко рекламируют американскую демократию и американский образ жизни.

Не ясно ли, какую «демократию» получили бы другие народы, особенно азиатские и африканские, если бы им был навязан подобный «образ жизни»!

Оба эти снимка, наряду со многими другими, были воспроизведены американским реакционным журналом «Лайф», откуда мы их и заимствовали. Может возникнуть вопрос: почему «Лайф» решился поместить на своих страницах фотографию, которая является гневным обвинительным актом против американских расистов? Конечно, журнал сделал это без тени осуждения ливневых.

Скорее всего он задается целью пощекотать нервы зрителю, потрафит в извращенным вкусом расистов. Характерная деталь: «Лайф» опубликовал эти снимки только в издании, рассчитанном для внутриамериканского потребления. В издании, предназначенном для заграничных читателей, эти фотографии нет. Редакция «Лайфа» придерживается в этой принципиально «выносной сор из избы», прекрасно понимая, как ее впечатление произвели бы страшные фото-улики на жителей других стран. Но мы твердо убеждены, что эти экспонаты с выставки должны увидеть не только Америка. Их должен увидеть мир.

А. ПУХОВ

«Мускус задушал смрадный запах гнили, исходящий от его тела...» Мы вспоминали это описание г-на Марнефа — персонажа из балладоповести «Кузины Бетты», когда узнали, что П. конгресс госдепартамента США попросил конгресс ассигновать на пропаганду на 14 миллионов долларов больше, чем в прошлом году.

Почему так дорого обходится американская пропаганда? Предоставим слово руководителю информационного агентства США Стрейберту. Информационное агентство, говорит он, использует все методы, чтобы убедить народы за границей, что США «стоят и борются за мир». Благоухающими словами хотят прикрыть смердящие дела!

Разве возможно словами закамуфлировать факты: агрессивную политику, военные базы, атомный шантаж? Кто хоть на секунду поверит «мирной пропаганде» г-на Стрейберта? Ведь сами государственные деятели

США чуть ли не ежедневно пропагандируют войну. Г-н Даллес, например, как известно, выступил на днях с речью, в которой отметил, что мир служит интересам коммунистов, и поэтому он (Даллес) исключает возможность мирного сосуществования народов. Информационное агентство США, говорит мистер Стрейберт, ведет усиленную пропаганду предложения об «использовании атомной энергии в мирных целях». Однако гром разрывов атомных и водородных бомб на испытательных в штате Невада звучит куда красноречивее, чем воркование мистера Стрейберта.

Нет, пропагандистская парфюмерия здесь бессильна. Никакие миллионы долларов дополнительных ассигнований не помогут американской пропаганде. Это деньги, брошенные на ветер.

М. В.

ДЕНЬГИ НА ВЕТЕР

«Мускус задушал смрадный запах гнили, исходящий от его тела...» Мы вспоминали это описание г-на Марнефа — персонажа из балладоповести «Кузины Бетты», когда узнали, что П. конгресс госдепартамента США попросил конгресс ассигновать на пропаганду на 14 миллионов долларов больше, чем в прошлом году.

Почему так дорого обходится американская пропаганда? Предоставим слово руководителю информационного агентства США Стрейберту. Информационное агентство, говорит он, использует все методы, чтобы убедить народы за границей, что США «стоят и борются за мир». Благоухающими словами хотят прикрыть смердящие дела!

Разве возможно словами закамуфлировать факты: агрессивную политику, военные базы, атомный шантаж? Кто хоть на секунду поверит «мирной пропаганде» г-на Стрейберта? Ведь сами государственные деятели

США чуть ли не ежедневно пропагандируют войну. Г-н Даллес, например, как известно, выступил на днях с речью, в которой отметил, что мир служит интересам коммунистов, и поэтому он (Даллес) исключает возможность мирного сосуществования народов. Информационное агентство США, говорит мистер Стрейберт, ведет усиленную пропаганду предложения об «использовании атомной энергии в мирных целях». Однако гром разрывов атомных и водородных бомб на испытательных в штате Невада звучит куда красноречивее, чем воркование мистера Стрейберта.

«Товарищ поэт»

Расскажу два небольших, но очень значительных эпизода, оставшихся для меня незабываемыми. Первый случай произошел на одном из вечеров армейской художественной самодеятельности в Бухаресте. Мы, группа писателей, приглашенных выступить перед воинами, были взволнованы и восхищены, увидев на сцене плакат со знакомыми многим стихами:

Дайте крепкий стих годович так на сто, чтоб не таял стих, как дым клубимый, чтоб стихом таким звенеть и хватать перед республикой, перед любимой.

Этот призыв Маяковского которым воины встретили поет, сразу и очень ясно показал нам, чего именно требует от нас защитники нашей мирной жизни, вчерашние и завтрашние работники фабрик и полей страны, строители ее будущего, и как мы должны эти требования выполнять.

В составе другой группы писателей я побывал в связи с прошедшей «Декадой книги», в Филиппет де Педуре — в последние нежданные и горняков области Пшоенш. Мы читали стихи Маяковского. Со сцены звучали слова:

Я с теми, кто вышел строить и мечь

статьях и книгах о рьяно и последовательно защищает интересы американских монополий, призывая Уолл-стрит на мировое господство.

О чем пишет Липпман теперь? Большой отрывок из его новой книги, опубликованной в февральском номере журнала «Атлант», носит весьма характерный заголовок: «Упадок западной демократии». Уже одна этот заголовок показывает, почему Уолтер Липпман влезал за перо.

Мысль о «беспорядке в нашем западном обществе» зародилась у Липпмана еще накануне второй мировой войны. По его словам, он хотел тогда «понять тревожащую безуспешность попыток западных либеральных демократий совладать с проблемами нынешнего века». Началась война, и рукопись была отложена. Когда утих гроу пушек на полях сражений и автор снова вернулся к книге, он увидел, что его предчувствия оправдываются: «Ошибки быть не может: Запад пришел в упадок», — констатирует Липпман.

Что характеризует этот упадок? Что считает Уолтер Липпман неудачами Запада? Вот его ответ: Запад «болеет тем, что он бессильно справиться с действительностью, не способен управлять своими делами, защищать свои жизненные интересы, а возможно, и обеспечить свое дальнейшее существование как мира свободных и демократических государств».

За этой витневатой формулировкой скрывается прежде всего признание того неопровержимого факта, что обстановка в мире сложилась не в пользу капиталистического лагеря. После двух мировых войн многие народы стали на путь полной свободы, на путь социализма. Это — действительность, о которой говорит Липпман, которая его тревожит. И когда автор беспокоится за свое существование буржуазных государств, он выдает лишь свое сомнение в крепости и необходимости капиталистического строя.

То, что дело обстоит именно так, показывают его дальнейшие рассуждения. Эти рассуждения — своего рода «скипиданка». Редактор Клиппинг воспринял времена, когда болел человек отчаянно «снес бремя цивилизации» и «приобидел» к ней отста-

Уолтер Липпман боится народа

Размышляя о судьбах Давид, Марцелл, из трагедии Шекспира «Гамлет», говорил: «Подгнило что-то в датском государстве».

Ныне некоторые заокеанские политики и публицисты, обсуждая просчеты пресловутой политики «с позиции силы», подобно Марцеллу, уныло констатируют: «Подгнило что-то в нашем американском государстве». В газетах и журналах появляются статьи, выходящие в свет книги, так или иначе критикующие внутреннюю и внешнюю политику США. Авторы этих трудов близко стоят к американской правящей верхушке. Они — убежденные сторонники агрессивного авантюристического курса. Однако они не могут не видеть провалов и неудач этого курса. Их беспокоит «состояние умов» в стране, отражает растущая непопулярность политики «с позиции силы».

Все эти раздумья и сомнения приобретают особенно острый характер в связи с предстоящими в будущем году президентскими выборами. Рядовой американец устал от воинственных криков сенатора Ноулзана, устал от атомной истерии, от злобешней бравады оружием. Ему по душе мир. Международные события, такие, например, как Йеневское совещание, убеждают его в том, что переговоры — куда более действенный способ разрешения международных споров. Конфликт между мнением народа и позициями правящей верхушки США становится все глубже и явственней. Общественный барометр показывает бурю. За демократическими фразами и формулами, вроде «мир посредством силы», «оборона от агрессии коммунизма», народы — и американский и другие — чувствуют истинное существование империалистической политики Соединенных Штатов.

Недавно в США издана новая книга Уолтера Липпмана «Общественная философия» («The Public Philosophy»). Липпман — влиятельный журналист, тесно связанный с государственным департаментом и с заправками Уолл-стрит. В своих

статьях и книгах о рьяно и последовательно защищает интересы американских монополий, призывая Уолл-стрит на мировое господство. О чем пишет Липпман теперь? Большой отрывок из его новой книги, опубликованной в февральском номере журнала «Атлант», носит весьма характерный заголовок: «Упадок западной демократии». Уже одна этот заголовок показывает, почему Уолтер Липпман влезал за перо.

Мысль о «беспорядке в нашем западном обществе» зародилась у Липпмана еще накануне второй мировой войны. По его словам, он хотел тогда «понять тревожащую безуспешность попыток западных либеральных демократий совладать с проблемами нынешнего века». Началась война, и рукопись была отложена. Когда утих гроу пушек на полях сражений и автор снова вернулся к книге, он увидел, что его предчувствия оправдываются: «Ошибки быть не может: Запад пришел в упадок», — констатирует Липпман.

Что характеризует этот упадок? Что считает Уолтер Липпман неудачами Запада? Вот его ответ: Запад «болеет тем, что он бессильно справиться с действительностью, не способен управлять своими делами, защищать свои жизненные интересы, а возможно, и обеспечить свое дальнейшее существование как мира свободных и демократических государств».

За этой витневатой формулировкой скрывается прежде всего признание того неопровержимого факта, что обстановка в мире сложилась не в пользу капиталистического лагеря. После двух мировых войн многие народы стали на путь полной свободы, на путь социализма. Это — действительность, о которой говорит Липпман, которая его тревожит. И когда автор беспокоится за свое существование буржуазных государств, он выдает лишь свое сомнение в крепости и необходимости капиталистического строя.

То, что дело обстоит именно так, показывают его дальнейшие рассуждения. Эти рассуждения — своего рода «скипиданка». Редактор Клиппинг воспринял времена, когда болел человек отчаянно «снес бремя цивилизации» и «приобидел» к ней отста-

наибольшее раздражение и тревогу автора. Однако и в других частях света дела идут не так, как хотелось бы правящим кругам Запада. Ведь никогда еще в истории развития человечества общественное мнение не обладало такой силой, такой энергией. Движение в защиту мира охватило миллионы людей различных политических взглядов. Можно привести немало примеров влияния общественного мнения на ход событий. Надо как можно скорее остановить этот процесс, требует Липпман. Иначе — «падение Запада».

Вот как, по Липпману, рисуется положение вещей в современном буржуазном государстве. С одной стороны — мудрые «осведомленные и ответственные» политики, обладающие выдержкой и здравым смыслом. Им противостоят общественность, которая: 1) отстает от хода событий; 2) инертна; 3) не может ни о чем правильно судить; 4) затормаживает деятельность правительства и т. д. и т. п. В итоге «демократические представители» под воздействием общественного мнения делают ошибки. Этим, будто бы, и объясняются все неудачи прошлого. В ошибках Версаля и даже в позорных мюнхенских соглашениях виноваты... общественность, якобы заставившая так действовать «ответственных» политических деятелей.

Критикуя состояние «западной демократии», Липпман, сам того не желая, раскрывает механизм лжи и обмана народа. Он признает, что обычно «народу не говорят всей правды», а государственные деятели «политически пролигандируют только при условии, если они задабривают, умиротворяют, подкупают, обольщают, обманывают или какими-нибудь другими способами умеют привлечь к изучению ту часть своих избирателей, которая выступает с угрозами и требованиями». Он идет еще дальше, когда прямо заявляет, что буржуазное избирательное право фиктивно.

Значительная часть населения по тем или иным причинам не участвует в голосовании. Этот абсентизм особенно развит в США, где, например, в 1952 году больше 60 процентов избирателей не пошло к избирательным урнам. Но все эти приписания Липпману делают несропта. Они нужны ему для аргументации его основной мысли: необходима протрала между общественностью и правящими кругами. «Мнения и предложения избирателей во время